

Зима в Каэр Морхене отличалась от жизни на Пути. Когда начал идти снег, время, казалось, замедлилось до невыносимой скорости. Хитрость, как обнаружил Ламберт, заключалась в том, чтобы найти увлекательный проект, который занял бы ум настолько, чтобы не замечать болезненного течения времени. Обычно это включало в себя либо экспериментирование с новыми формулами бомб, либо рыбалку на озере возле крепости. Рыбалка продлится всего за месяц до зимнего солнцестояния, а к тому времени большая часть озера замерзнет, и передвижение на лодке станет невозможным. Кроме того, метод Ламберта не совсем подходил для зимней рыбалки. Как только такой возможности не было, он обычно отступал в свой запас бомб и проводил большую часть дня, возясь с припасами, которые он накопил на Пути. Так продолжалось до тех пор, пока Весемир не нашел его и не заставил бурить вместе с остальными или, что еще хуже... помочь в восстановлении старого здания, пропускающего сквозняки.

Каждый год, в обязательном порядке, старый ублюдок пользовался дополнительными руками, уговаривал и уговаривал их помочь. Ламберт был озадачен, почему он вообще беспокоился. Крепость давно уже не удалось спасти, годы разрушения и нападений оставили ее пронизанной бреши, а сама крепость медленно разрушалась изнутри из-за длинных пустых залов и комнат. Жизнь и дух Каэр Морхена исчезали с каждым ведьмаком, сбившимся с Пути, или, что еще хуже, он кишел призраками, и Ламберт ненавидел его. Именно поэтому всякий раз, когда он ловил себя на том, что перекладывает обломки или передает раствор Весемиру, он был в самом разгаре. Постоянно огрызается на своих братьев и затевает драки со стариком. В конце концов он победит, и Весемир перестанет просить его о помощи. Выбор мира вместо лишней пары рук.

Поскольку это было начало сезона, традиционный цикл еще не утвердился, поэтому Ламберт с осторожностью вышел на пронизывающий холод двора на следующий день после неприятной встречи с Голубоглазыми. Он осмотрел периметр в поисках места, где старый болван решил сосредоточить свое внимание этой зимой, и обнаружил совершенно неожиданную картину. Весемир находился на полпути к помосту, который он построил вокруг пролома в восточной стене, и смешивал большой чан с раствором. В одном этом не было ничего необычного: Ламберта остановил и недоверчиво уставился на стройную, проворную фигуру, взбирающуюся по разрушенной каменной кладке, с большой каменной плитой, поднятой на одно плечо. Вчерашний снегопад оставил скользкий пятнистый белый покров по всему двору и стенам. Камень был почти такого же размера, как Голубые глаза, но она понесла его вверх по коварному склону, как если бы это был не более чем мешок с зерном. Ламберт чувствовал, как его брови поднимаются от благоговения, хотя его настроение ухудшилось.

Почему она помогала старому ублюдку? Он заставил ее пройти через ад только для того, чтобы успокоить свой нервный характер. Ей следовало бы отказаться и пальцем пошевелить в сторону этого забытого богами места. Он наблюдал, как она добралась до вершины полуразрушенной стены и осторожно положила каменную плиту рядом с рядом других новых камней. Как долго они это делали? Прошло совсем немного времени после рассвета, но казалось, что строительные работы уже были на полпути.

Он не знал, как долго простоял там, но Весемиру хватило времени, чтобы это заметить. Старый ведьмак остановился и окликнул Ламберта. «Ты собираешься стоять и глазеть весь день или собираешься принести пользу?»

Ламберт почувствовал автоматическое раздражение от того, что его затянули в ремонт и строительство, как какого-то обычного каменщика, затем его внимание привлекли голубые глаза, которые тоже остановились в своей работе, чтобы посмотреть на него. Даже на расстоянии он чувствовал, как она настороженно смотрит на него. На ее лице была та же

бесстрастная маска, которую она носила вчера, когда повернулась, чтобы уйти от него. Это послало еще один холодный кинжал боли в грудь Ламберта. Его внутренности скрутило от обиды, когда он увидел легкость, с которой она теперь общалась с Весемиром. Мужчина, который хотел ее смерти пять дней назад.

Решив игнорировать девушку, сидевшую на вершине стены, он снова перевел взгляд на Весемира. «Где остальные?» Я тоже не вижу, чтобы они протягивали руку помощи.

Старый ведьмак пренебрежительно махнул рукой в сторону нижних дворов. «Они проводят учения. Может быть, будет лучше, если ты присоединишься к ним, Геральт сказал, что твои защиты немного заржавели, когда он сражался с тобой в последний раз. Обида удвоилась. Будь проклят этот чертов седовласый святой.

— Конечно, мог бы пойти и отплатить ему за тот удар на днях. — пробормотал Ламберт, уверенный, что Весемир все равно это услышал. Он начал идти к тренировочному двору, но, добравшись до арки, ведущей наружу, оглянулся через плечо. Голубые глаза снова стали таскать новые каменные плиты, а ее гибкие ноги, покрытые этими приводящими в бешенство кожаными брюками, быстро справились с этим. Холодный кинжал скрутился в своем новом доме в груди Ламберта, и он целеустремленно пошел прочь в надежде ударить по чему-нибудь более сильному, чтобы отвлечься от этого.

Он надеялся, что это будет единичный случай; что Голубые Глаза просто любезно относились к старику, чтобы он заглянул в его хорошие книги, но дни шли, а она продолжала стоять на полпути к стене или сидеть на парапетах, ремонтируя, поднимая и выполняя большую часть работы, Ламберт поняла, что она искренне вложилась в жизненный проект Весемира.

Положительная сторона всего этого причудливого поворота событий заключалась в том, что его больше не придирали и не заставляли помогать. Время от времени он видел, как Эскель или Геральт помогали старику (последний держался на здоровой дистанции между ним и девушкой), но обычно они работали только вдвоем. Он слышал или видел голубые глаза только тогда, когда выполнял упражнения с остальными или направлялся к озеру, но он был уверен, что, когда они все спали ночью в крепости, она все еще тренировалась на холоде. Его главным доказательством этого был тот факт, что каждый день, когда он просыпался, работа, которую он видел, как она выполняла накануне, обычно была завершена. Восточная стена, разрушенная во время нападения Саламандр много лет назад, была необъяснимым образом закончена всего через день после того, как он впервые увидел, как она работала над ней вместе с Весемиром.

Помимо строительных работ, он также застал ее за расчисткой сорняков и виноградных лоз, которые начали заполнять крепость из-за многих лет пренебрежения. Внезапно три внутренних двора стали напоминать те времена, когда Ламберт впервые пришел в Каэр Морхен. Он чувствовал себя дезориентированным всякий раз, когда выходил из все еще полуразрушенной крепости на верхний двор. Это было почти как шагнуть через портал в другое время, и он почти ожидал увидеть Вольтера, своего давно умершего друга, подбегающего ему навстречу. Он не был уверен, что ему нравятся перемены, но Весемир всякий раз, видя его, радовался больше, чем водяная ведьма в грязи, так что, по крайней мере, большую часть времени его оставляли в покое.

Он сказал «большинство», потому что в остальное время Эскель постоянно грыз ему задницу из-за Голубых глаз. Похоже, их взаимное согласие держаться подальше друг от друга не очень понравилось его старшему брату. Ведьмак со шрамами использовал любую возможность, чтобы намекнуть и колко прокомментировать их пару. Ламберт заметил, что это происходило только тогда, когда он был рядом, а не девушка, и, насколько он знал, Эскель не сочинял для нее

песни и не танцевал по этому поводу, так что это только злило его все больше и больше, поскольку дни и недели шли.

«Вы не можете игнорировать друг друга вечно». — сказал Эскель однажды, когда они вместе чистили конюшню. Ламберт отбросил часть дерьма Уорсона в сторону и бросил на брата опасный взгляд.

«Да, черт возьми, мы можем. Это большое место. Эскель закатил глаза.

— Я не это имел в виду, придурок, и ты это знаешь. Ламберт начал слишком резко колоть кучу соломы.

— Да, да, я знал, что ты имеешь в виду, но это не меняет моего ответа.

— Почему, черт возьми, нет? Она нравится тебе, ты нравишься ей. Просто говори, чувак. Ламберт слышал, как кровь стучит в его голове, пока он пытался заглушить надоедливые слова другого ведьмака.

— Потому что мы это сделали, и она сказала, что не хочет меня. Его слова прозвучали громче, чем он намеревался, заставив Уорсона оторвать голову от завтрака и обеспокоенно взглянуть на своего хозяина.

'Она делала? Она сказала именно эти слова? Потому что с того места, где я стою, она выглядит очень убитой горем каждый раз, когда ты проходишь мимо.

Ламберт еще раз ударил ножом по куче неодушевленной соломы. — Тогда ты чертовски плохо разбираешься в людях, брат, извини. Он чувствовал на себе взгляд Эскеля, продолжая перекладывать свежую подстилку в стойло Уорсона. Он знал, что у Эскеля были добрые намерения, но он не был замешан в том, что, черт возьми, происходило между ним и Голубоглазыми. Ему тоже было больно смотреть, как она занимается своими делами, в его доме, с его друзьями, но она сказала, чтобы все было вежливо. Итак, он бы это сделал.

Когда стены были восстановлены, а внутренние дворы расчищены, Голубые глаза обратили свое внимание на небольшой участок заросшей земли, расположенный в укромной части крепости. Ламберт никогда раньше не обращал внимания на это пространство, но, направляясь к тренировочному двору на утренние тренировки, он увидел ее маленькое, знакомое тело, согнувшись, выдергивающее сорняки и бормочущее себе под нос. Когда он замедлил шаг, чтобы посмотреть на эту странную сцену, он заметил, что Весемир стоял неподалеку и тоже наблюдал за происходящим в зачарованном молчании.

Ламберт подумывал о том, чтобы уйти и оставить их заниматься каким-то новым проектом, который они начали, но старый ведьмак обернулся и увидел его. — Доброе утро, Ламберт.

Если странного поведения Голубых глаз было недостаточно, чтобы заставить его задуматься, то необычно вежливое приветствие Весемира сделало свое дело. Он настороженно посмотрел на него. «Утро, старик. Какую работу сегодня выполняет твой новый раб?

Весемир поднял бровь на его язвительный ответ, но не стал его отчитывать. Теперь Ламберт был по-настоящему заинтригован. — Она сама решила это, если вам нужно знать. Он бросил на Ламберта укоризненный взгляд. — Вы не злитесь на меня за то, что я воспользовался энтузиазмом нашего нового гостя, не так ли? Я думал, ты будешь рад, что я не заставил тебя помогать мне в этом году, поскольку ты обычно доставляешь нам всем головную боль из-за того, что посмела утащить тебя от лодки или от бомб.

Ламберт бросил раздраженный взгляд на Синие глаза. К счастью, она, казалось, была слишком поглощена своими делами, чтобы обращать внимание на двух ведьмаков. Несмотря на это, он подошел к Весемиру, не желая говорить так громко в ее присутствии. «Нет, пока это то, что есть... энтузиазм. Я знаю тебя, Весемир, у тебя дар выкручивать людям руки».

Старый ведьмак поднял руки: — Здесь рука не выкручивается. Девушка увидела, как я чиню восточную стену, и спросила, чем она может мне помочь. Кто я такой, чтобы отказывать сильной паре рук?

Ламберт прищурился. «Мне это кажется эксплуатацией. Учитывая, что изначально вы хотели ее смерти. Весемир одарил его своим фирменным долгим и пристальным взглядом.

«Беспокойтесь об эксплуатации сейчас? Если бы я не знал ничего лучшего, я бы сказал, что эта девушка оказывает на тебя огромное влияние».

«Знаешь лучше, что, черт возьми, это значит?» При этих словах Весемир раздраженно вздохнул.

«Может быть, я и стар, но я далеко не слепой. Я достаточно посмотрелся на выходки Геральта, чтобы знать, когда два человека нравятся друг другу, но по какой-то глупой причине избегают неизбежного». Весемир посмотрел на него тем взглядом, который он всегда ненавидел. Взгляд, в котором он пытался заглянуть в самую душу и узнать правду прежде, чем ты ее скажешь. Ламберт отвел глаза, решив вместо этого посмотреть на девушку, все еще стоящую на коленях в грязи. Они были достаточно далеко, чтобы она их не услышала, но Ламберт был уверен, что она уже уловила бы его запах. У нее был нос оборотня. Тем не менее, она не сводила глаз с земли, выкорчевывая сорняки и бормоча при этом что-то себе под нос.

«Я не Геральт». Наконец он ответил. Он услышал фырканье Весемира.

«Об этом я полностью осведомлен. Однако я думаю, что вам следует последовать его примеру. Не будьте слишком строги к себе. Редко можно найти человека, готового игнорировать наши... различия. Взгляд, брошенный на него Весемиром, был таким, чего Ламберт никогда раньше не видел. Это было почти... по-отечески. Он почувствовал сильную, сжимающую боль в груди, отличную от ножа, который теперь ассоциировался у него с голубыми глазами, это было больше похоже на тоску, о которой он даже не подозревал. Он некоторое время смотрел, не зная, что делать, на старого ведьмака, затем откашлялся, его губы скривились в знакомой усмешке.

«Что это за старик? Пытаешься поговорить со мной по душам? Что случилось с единственной заботой ведьмака - его работой? Не то чтобы ты не пытался вбить это мне в череп на протяжении многих лет.

Весемир положил руку Ламберту на плечо. Юный ведьмак не знал, то ли отмахнуться от этого, то ли оставить его на месте. «Ламберт, я на собственном горьком опыте усвоил, что любовь случается нечасто. Не живите, чтобы сожалеть о своих решениях».

Ламберт посмеялся над его словами, но внутри жадно усвоил их. «Никогда не думал, что услышу тот день, когда ты советовал мне жить с демоном всего сущего».

Он испустил еще один долгий вздох. «Мой мальчик, ты идешь по Пути достаточно долго, чтобы знать, что не все монстры злые и не все люди добрые. Или вы настолько ослеплены цинизмом и горечью, что вам уже все равно». Он мотнул головой в сторону голубых глаз. «Она хорошая. Не знал этого раньше, но в моей книге действия значат все. Никогда не встречал человека, столь

охотно помогающего незнакомцам.

'Хм.' - уклончиво сказал Ламберт.

«Мы живем долгую и трудную жизнь. Так что лови момент, когда он наступит, мальчик». Он нежно похлопал Ламберта по плечу, и на этот раз юный ведьмак не почувствовал прилива гнева из-за такого маленького члена. Весемир бросил на него последний оценивший взгляд, прежде чем уйти.

Ламберт был в противоречии. Он всегда находил утешение в том, чтобы держать людей на расстоянии. Им будет труднее причинить вам боль таким образом. Он знал, что из-за этого ему стало хуже, но в конечном итоге так было безопаснее. Теперь, когда он смотрел, как отстывает спина Весемира, а слова совета все еще звучали в его ушах, он не мог не чувствовать усталости от всех этих резких высказываний и позерства. Не проще ли было просто сдаться? Он посмотрел на девушку, все еще занятую своими травками, на ее каштановые волосы, развевающиеся на холодном ветру, на ее щеки, розовые от холода, и он почувствовал сильное настойчивое подергивание в животе, притягивающее его к себе.

«К черту все это». - пробормотал он, прежде чем повернуться и поспешно уйти.

Элли заполняла свои дни работой. Это был самый простой способ отвлечься от мыслей. Она была благодарна за покой, который принесла крепость, но в то же время сидение без дела сводило ее с ума. Она чувствовала себя бесполезной, когда Трисс и Йен ушли и пытались выяснить, почему она здесь и что мешает ей уйти. Она бы все отдала, чтобы присоединиться к поискам - в конце концов, это была ее работа - но она не знала этого мира и знала, что будет только мешать. Вместо этого она изо всех сил старалась сотрудничать всякий раз, когда они возвращались и задавали ей вопросы.

Она уже рассказала им, как она вызывает двери и некоторые способности, которыми обладает большинство демонов. Поначалу она волновалась, что это было похоже на предательство, поскольку Йен, казалось, всегда понимала все, что она говорила. Трисс, с другой стороны, иногда испытывала трудности с выбором слов или объяснений. Тем не менее, пара всегда благодарилась ей и продолжала поиски по континенту. Судя по всему, демоны были крайне редким явлением, и большинство считало, что их вообще не существует. Если бы было что-то, что могло бы помешать кому-то или оно само было бы демоном, оно было бы хорошо скрыто от большинства пользователей магии. По крайней мере, так ей сказала Йен.

Когда они ушли, оставив ее одну с ведьмаками, Элли нашла утешение и отвлечение, помогая Весемиру ремонтировать обветшалую крепость. Она столкнулась с ним сразу после рассвета, на следующий день после их спарринга. Он поднимался на шаткий помост, который она заметила на восточной стене, пытаясь поставить на место большую каменную плиту. Недолго думая, она взобралась на деревянную конструкцию и подняла тяжелый камень на место. Весемир посмотрел на нее с потрясенным удивлением, затем, не сказав ни слова, просто кивнул и перешел на следующую плиту, оставив рядом с собой достаточно места, чтобы она могла продолжать помогать.

С того дня она неустанно работала над ремонтом и возвращением крепости былой славы. Пока они работали, Весемир развлекал ее рассказами о своем прошлом и о крепости, когда она была настоящей ведьмачьей школой, в перерывах между указаниями. Когда он и остальные удалились в крепость на ужин, она продолжила путь. Не нуждаясь ни в еде, ни во сне, она часто заканчивала работу до полуночи, что приводило Весемира в восторг на следующее утро, когда очередная работа была завершена.

Именно в это время, между колдовским часом и рассветом, Элли оказалась в затруднительном положении. Первые несколько недель она провела, бродя по крепости, узнавая больше о ее лабиринтах коридоров. Через две недели пребывания там она наткнулась на огромную комнату, заполненную стопками книг. От него сильно пахло кожей и суслом, и она сразу же влюбилась. На следующий день Весемир подтвердил, что да, в крепости действительно есть библиотека. Наполненный старыми ведьмачьими текстами и историей, а также бог знает, что еще добавили волшебницы. Он сказал ей, что она может читать все, что сможет понять, поскольку многое из этого написано на старом языке. С этого момента, всякий раз, когда она заканчивала строительную задачу, над которой они работали в тот день, она находила дорогу в библиотеку и читала, пока солнце не начинало окрашивать небо в серый цвет.

Весемир был прав: многие большие тома, которые ей удалось аккуратно снять с полок, были написаны на языке, которого Элли не узнавала. Тем не менее, она провела некоторое время, просто восхищаясь изящными, написанными курсивом и мерцающими картинками, выгравированными на желтом пергаменте. Однако те, которые она могла понять, она читала целыми ночами. Все те вопросы, которые ей так хотелось задать остальным, все те знания об этом странном мире, в который ее неожиданно бросили, она жадно поглощала со страниц.

Ее внимание особенно привлекло событие, известное как «Конъюнктура Сфер». Свидетельств об этом из первых рук было не так много, но здесь говорят и теории заставляют это звучать очень похоже на множество врат, открывающихся одновременно между мирами. Она слышала о чем-то подобном, происходящем в Чистилище, задолго до того, как Мортимер стал мэром и были созданы Привратники. Это заставило ее подумать, что, возможно, они каким-то образом связаны, поскольку Чистилище должно было стать центром всех миров. Еще одним фактом об этом мире, который сильно ее взволновал, было знание о существовании как эльфов, так и гномов. На своем веку она повидала много диких существ, но ни одного настоящего эльфа или гнома. Часть ее хотела пойти и приставать к Ламберту, чтобы спросить, видел ли он их и какие они. Тогда она вспомнит о достигнутом ими соглашении и быстро найдет что-нибудь еще, чтобы отвлечься.

Независимо от того, насколько занята она была, ночью или днем, единственное, что было непреложным, было то, что ее мысли всегда будут возвращаться к этому высокомерному ведьмаку. Этому не способствовал тот факт, что она видела его почти каждый день, когда помогала Весемиру. Часто он проходил мимо, направляясь на тренировочную площадку, чтобы спарринговаться с двумя другими, или вообще выходил из крепости, чтобы отправиться «на рыбалку», как утверждал Весемир. Хотя ей было трудно поверить в то, что Ламберт сделает что-то столь трудоемкое и требующее какого-то терпения. В других случаях он останавливался на мгновение и наблюдал за ними, и это было хуже всего.

Она чувствовала на себе его взгляд, независимо от того, где она стояла и насколько была поглощена своей работой. Его присутствие было бы тяжелым грузом на ее теле, давящим и заставляющим ее повернуться и посмотреть на него. Ей потребовалась вся сила воли, чтобы не подчиниться и не проигнорировать это дерганье за нить, которая, казалось, теперь навсегда связала их. Она сделала свой выбор, и для них обоих было бы безопаснее, если бы она больше не поддавалась этому странному влечению. Хотя это было тяжело. О, Чистилище, как это было тяжело. Она скучала по его язвительным комментариям и озадаченным взглядам на нее. Ей не хватало его тонкой доброты; таскать с Хорс последнюю порцию или накрывать ее одеялом, когда ей было холодно. Больше всего ей не хватало просто разговоров с ним, в те моменты, когда ему было легче всего отвечать. Просто с ним было... легко.

Когда она исчерпала все работы на главных дворах и стены стали выглядеть такими непроницаемыми, как она и ожидала от такой крепости, она начала искать следующую вещь,

которая могла бы напомнить ей о некоем ведьмаке. Она осматривала пролом в южной стене во втором дворе, когда наткнулась на потайной угол крепости. Это был дико заросший участок земли, окруженный высокими каменными стенами высотой по плечо. Он был прекрасно замаскирован под серость окружающей крепости, поэтому остался для нее незамеченным. Войдя через частично прогнившую деревянную дверь, Элли почувствовала, как у нее поднялось настроение. Несмотря на джунгли растений высотой с голову, покрытых тонким слоем снега, было ясно, что это место было своего рода садом. Сквозь листву были едва заметны простые ступенчатые дорожки, проходящие между клумбами с растениями. Элли всегда любила садоводство, и так родился ее новый проект.

Она начала с того, что снесла затемняющие стены так, чтобы они были на уровне пояса, давая саду столь необходимый свет. Когда она с энтузиазмом выполняла сорняки, Весемир нашел ее. «Я забыл, что это место существует». — сказал он, опираясь на стену и наблюдая, как она выдергивает с корнем особенно упрямую ежевику.

— Что это было именно? Не считал вас, ведьмаков, зеленопальцами.

— Раньше это был сад с травами, если я правильно помню. Хотя никто к нему не прикасался с тех пор, как наш последний специалист по алхимии погиб в первом же погроме. Элли остановилась в прополке и посмотрела на старого ведьмака. Его горящие глаза стали задумчивыми и полными воспоминаний. Она почувствовала приступ печали и снова задалась вопросом, сколько ему на самом деле лет. Внезапно ее личный проект стал значить гораздо больше.

— Что здесь росло? Весемир моргнул, выходя из транса.

«Хеллебор, мандрагора, белый мирт, волчий яд и это лишь некоторые из них. Все, что мы могли бы использовать в наших зельях и маслах. Элли обнаружила, что ей нравится нежный рокошущий звук его голоса, когда он ей что-то объяснял. В нем чувствовался прирожденный учитель.

— Они растут здесь? Его рот изогнулся.

— Некоторые так и делают. Если хочешь, я мог бы сделать тебе карту, где они расположены? Элли встала, отряхивая брюки.

— Не боишься, что я убегу? Это вызвало сердечный смехок старого ведьмака.

«Дитя мое, если ты сможешь выбраться из этой долины в одиночку зимой, то ты заслуживаешь побега». Он оставил этот зловещий комментарий над ней, уходя. Снежные облака накатились еще раз, подчеркивая его точку зрения.

За несколько дней Элли к своему удовлетворению очистила сад с травами. Весемир материализовался из ниоткуда, когда она выдернула последнюю травку, как будто он ждал ее. Он, подмигнув, протянул ей сложенный кусок пергамента и толстый шерстяной плащ и снова покинул ее. Надев плащ и просматривая карту долины, сервалы темных крестов с нацарапанным текстом отметили ее в определенных местах, Элли не могла не думать о том, было ли это еще одним испытанием от старика и что ей нужно, чтобы пройти это испытание. время.

— Волчий отравы, волчья отравы, где, черт возьми, волчья отравы? — пробормотала Элли про себя, пробираясь сквозь тонкий слой снега на лесной подстилке. По словам Эскеля и Весемира, настоящая зима Каэр Морхена еще не пришла к ним, но она была уверена, что

никогда не была нигде холоднее. Она плотнее обернула себя плащом и осмотрела землю в поисках каких-либо признаков ярко выраженного фиолетового цветка.

Список, который дал ей Весемир, включал все травы, которые были достаточно выносливыми, чтобы цвести и расти в холодные месяцы, поэтому найти их пока не было такой уж большой проблемой. Было приятно выбраться из крепости, несмотря на ее размеры, временами все равно было тесно из-за всех этих ведьмаков, а иногда и приезжих волшебниц. Карта держала ее в радиусе пяти миль от крепости, так что у нее всегда была возможность вернуться. Видимо, Весемир недостаточно доверял ей, чтобы не заблудиться.

Забравшись на вершину валуна, чтобы получить лучшую точку обзора, она почувствовала, как образцы, которые она уже собрала, толкались и сталкивались друг с другом. Черт, подумала она, проверяя сумку, которую одолжила у Эскеля. К счастью, все они пережили ее оплошность: луковицы были тщательно завернуты в ткань. Ей удалось найти все, что запланировал для нее старый ведьмак, кроме неувидимого волчьего отвара.

Ее внимание привлекло движение между деревьями. Она еще не встречала никаких существ, что было удивительно, учитывая, сколько шума они производили каждую ночь. Ее чувства резко возросли, и она прислушивалась к любым признакам нападения. Тишина наполнила сосновый лес, шум ветра гнул высокие деревья, их стволы скрипели и трещали над ней. Она собиралась выдать это за игру света, когда послышался звук металла о металл и оглушительный рев.

Спрыгнув с валуна, Элли пробиравалась сквозь деревья, направляясь навстречу помехам. По всей вероятности, ей следует пойти в другом направлении. Постоянный ночной хор различных существ здесь — это что угодно. Однако она уже почти месяц провела взаперти в этой крепости, и искушение увидеть еще одного фантастического монстра было слишком велико, чтобы она могла устоять.

Подойдя ближе, она смогла различить тяжелые шаги по снегу, сопровождавшиеся громким ворчанием и визгом боли. Подойдя к опушке соснового леса, Элли теперь могла видеть две фигуры, танцующие на склоне горы, одна из них чем-то напоминала дракона. Большой чешуйчатый крылатый зверь с вытянутыми когтями и большой зубастой пастью, хватающейся за другую фигуру. Мужчина в кожаных доспехах, с длинными белыми волосами, его серебряный меч сверкает на солнце. Элли остановилась, осторожно наблюдая, как Геральт кружит вокруг монстра-ящерицы. Он выдернул хвост, обнажив ужасно острые зазубрины на его кончике. Они просвистели над головой Геральта, ведьмак успел уклониться от смертельного удара. Прежде чем чудовище успело покинуть зубчатую скалу, на которой оно сидело для атаки, Геральт бросился вперед, одним плавным движением рассекая существо от грудины до линии челюсти.

Оно издало крик боли, из раны хлынула темно-фиолетовая кровь. Потом крик затих, перейдя в шипящий хрип, и существо неуклюжей кучей рухнуло к ногам ведьмака. Вложив меч в ножны и повернувшись спиной к наблюдавшей за ним Элли, Геральт слегка повернул голову, его янтарные глаза выступили на слишком бледном лице.

— Ты собираешься выйти или продолжать шпионить из тени? Элли почувствовала напряжение и не знала, отвечать или нет. Казалось, трудно поверить, что ему удалось уловить ее приближение, сражаясь с этим существом, но судя по тому, что она уже знала о ведьмаках, они часто были невероятными.

«У меня нет демона на целый день».

Строгий тон Геральта подтолкнул Элли вперед, ее ноги по снегу зашаркали к нему, как будто ее поймали на чем-то нехорошем. Какая-то ее часть предпочла бы остаться наедине с теперь уже мертвым монстром-ящерицей, чем с враждебным ведьмаком. Она остановилась в нескольких футах от него и трупа, его кровь растопила снег вокруг него. Неловко передвигаясь на мгновение, она попыталась найти что-нибудь, что могло бы нарушить напряженную тишину. Ведьмак все еще смотрел на нее через плечо, его поза была далеко не расслабленной.

'Что это было?' Наконец ей это удалось, и она хорошо справилась с тем, чтобы не дать своему голосу надломиться. Было что-то в седовласом волке, что заставляло ее чувствовать себя неловко и было готово к нападению в любой момент. Единственное, что удерживало ее от побега, это знание того, что Ламберт доверял ему и ни в коем случае не говорил ей держаться на расстоянии. Он повернулся так, чтобы оказаться лицом к ней. Выражение его лица было раздражающе нечитаемым.

«Вилкохвост». Он ответил просто, как будто этого было достаточно, чтобы ответить на все ее вопросы.

Она посмотрела на злобный хвост мертвого существа, и то ли из-за нервов, то ли просто из-за абсурдности ситуации Элли не смогла сдержать фырканье, вырывающееся из ее носа. — Больше похоже на хвост -нож .

Геральт странно посмотрел на нее, затем чудесным образом уголки его рта приподнялись, и он хрипло усмехнулся. 'Неплохо.'

Она почувствовала странный трепет от его внезапной веселости и почувствовала себя немного комфортнее в его компании, когда он начал с механической точностью рассекать вилочный хвост. — Ты здесь охотился за этим?

Геральт не замедлил выполнения своей задачи, отвечая ей. 'Довольно много. Йен нужна была спинномозговая жидкость для чего-то, над чем она работает, а мне могла бы пригодиться дополнительная кровь. Он выпрямился и запихнул в сумку несколько флаконов. Укол сожаления скрутил ее внутренности из-за потери такого зверя, но такова была природа жизни. Она могла спасти каждого монстра в этом мире от ведьмачьего клинка. Он взглянул на нее, его взгляд скользнул по ее собственной сумке. 'А вы?'

«О, эм, я собираю образцы для посадки в саду трав в крепости. Весемир дал мне карту. Она добавила, держа в руках оскорбительную статью, как будто ей нужно было оправдать свою внезапную свободу. Геральт уставился на кусок пергамента с таким же стоическим выражением лица, как и всегда, хотя Элли могла бы поклясться, что в его янтарных кошачьих глазах плясали малейшие следы юмора.

'Хм. Удивленный Весемир позволил тебе уйти. У Элли перехватило дыхание. У нее внутри все упало при мысли, что он расстроен тем, что она бродит по долине без охраны. Она почти ожидала, что он схватит ее и начнет тащить обратно в крепость. Вместо этого его рот раскрылся в полной улыбке, а в уголках глаз сморщились. — Не думаю, что я раньше видел его таким увлеченным кем-то из наших гостей. Хотя вы первый, кто помогает ему с его проектом реконструкции. Крепость никогда не выглядела лучше.

Она почувствовала, как ее дыхание нормализовалось. Неожиданное дружелюбие со стороны ее бывшего претендента номер один заставило ее улыбнуться ему в ответ. «Это заставляет меня быть занятым». Она сказала.

Геральт недоверчиво приподнял бровь, прежде чем развернуться и отправиться вниз по склону

горы. Она смотрела, как он уходит, не зная, что теперь делать, а затем осознав, что она не за ним, Геральт остановился и мотнул головой, показывая ей следовать за ней. Они шли в неуютной тишине, звук их шагов по снегу был невероятно громким в отсутствие каких-либо разговоров. Через некоторое время она снова почувствовала на себе его взгляд, затем его грубый, почти смущенный голос снял напряжение.

— Знаешь... мне следует извиниться за то, каким я был, когда мы встретились. Долгая пауза. — Я встречал не так уж много таких, как вы, а те, что встречались... ну, скажем так, я не собирался повторять этот опыт.

— Когда ты встретил демона, если ты не возражаешь, я спрошу? Геральт ответил не сразу, и когда он еще несколько шагов ничего не сказал, она посмотрела на него. — Назовем это... профессиональным любопытством.

Он фыркнул, его глаза снова сверкнули юмором. Элли узнала, что из них троих он был наименее откровенен в своей личности. Эскель был добросердечным воином, Ламберт - колючим клубком обиды, но Геральт... его было трудно читать. «Я оказался в долгу перед одним из них, когда он спас мне жизнь. Хотел использовать меня, чтобы взыскать долг с другого человека, достаточно глупого, чтобы поддаться его чарам.

Элли просканировала Геральта в поисках каких-либо следов. Если не считать двух шрамов на его лице, не было ничего очевидного, что указывало бы на то, что он все еще связан с демоном, о котором говорил. — И ты собрал? — спросила она, стараясь сохранять беспечность в голосе.

'Я отказался. Вместо этого я решил сам встретиться с демоном и прогнать его. На этот раз она подняла бровь.

'Впечатляющий. Как вам это удалось?' Геральт остановился, устремив на нее взгляд, и закончил свой рассказ.

«Я победил его в его же игре. Этот человек любил игры разума и большинству людей представлялся продавцом зеркал. Хотел обманом заставить их отдать свои души за то, чем он торговал. Я разгадал одну из его загадок и отправил его туда, откуда он пришел». Между ними возникла непростая напряженность. Она могла сказать, что Геральт пытался угадать ее реакцию, а также она пыталась понять, говорит ли он правду. Возможно, она не знала Геральта так, как другие ведьмаки, но, насколько она знала, он не из тех, кто лжет. Глубоко вздохнув, воздух запотевал ручьем перед ней, она скрестила руки на груди и окинула его оценивающим взглядом.

«Цвет меня впечатлил. Разорвать контракт с демоном непросто, особенно тем, кто вообще любит заключать контракты». Геральт уклончиво кивнул, и она могла сказать, что на данный момент он закончил делиться. Они продолжали идти, пока не достигли дороги, ведущей обратно в крепость. Легкий послеобеденный снегопад начал усиливаться и усиливаться. «Черт возьми, мне еще нужно было найти еще одно растение, прежде чем вернуться». — пробормотала Элли, глядя на карту. Склонившись через ее плечо, Геральт мельком взглянул на пергамент, а затем указал немного вверх по дороге.

«Обычно там, на обнажении, можно найти волчий аконит. Вот, я тебе покажу. И без дальнейших разговоров седовласая ведьма взяла карту и пошла вперед, к деревьям. Элли в замешательстве моргнула, затем ей пришла в голову мысль.

«Это не план, чтобы заблудиться и похоронить меня под снегом, не так ли?» Почти сразу же, как только эти слова сорвались с ее уст, она почувствовала себя глупо. Ведьмак остановился и

обернулся, снова бросив на нее тот же странный взгляд.

'Хм.' Это все, что он сказал в ответ, но прежде чем он отвернулся, она увидела, как его рот раскололся в ухмылке. Почувствовав, что ее собственное лицо ответило таким же образом, Элли поспешила за ним, сумка с уже собранными травами подпрыгивала у ее ног.

<http://tl.rulate.ru/book/100009/3427318>